

Рейснер Михаил Андреевич

Пролетариат и мещанство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Андреевич Р.**
Пролетариат и мещанство / Рейснер Михаил Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
136 с.

ISBN 978-5-519-80512-4

ISBN 978-5-519-80512-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1.

**Полемика Андреева съ Горь-
кимъ. — Мистика здоровая и
больная. — Мистика Андреева
и Горькаго. — Душа природы.—
Народъ - богостроитель. — Мо-
литва. — Освобожденіе отъ
мистики.**

Въ декабрьской книжкѣ «Лѣтописи» за 1915 г. появилась статья М. Горькаго: «Двѣ души». Въ этой статьѣ народамъ европейскимъ, «духовная энергія которыхъ наиболѣе плодотворно стремилась и стремится къ освобожденію личности отъ мрачнаго наслѣдія изжитыхъ угнетающихъ разумъ и волю фантазій древняго Востока», противопоставлялся именно послѣдній, какъ родина «мистики, суевѣрій, пессимизма и анархизма, неизбежно возникающаго на почвѣ безнадежнаго отношенія къ жизни». Эти два начала далѣе и ихъ борьба раскрывались въ слѣдующихъ чертахъ. Европа—это арена напряженной активности, вѣры въ побѣждающую силу знанія, возведенія человека въ высшую «цѣль природы». «Лозунгъ Европы» поэтому «равенство и свобода, на основаніяхъ изученія, знанія, дѣянія». Наоборотъ Востокъ страна бѣгства отъ жизни, фанатизма, изуверства, но вмѣстѣ «счастья и покоя за предѣлами земли, въ области воображенія». Въ результатъ—подавленность личности, политическій и соціальный застой. Таковы «два различ-

ныхъ міроощущенія, два навѣса мысли, двѣ души». «Основная сущность ихъ однакова, стремленіе къ добру, красотѣ жизни, къ свободѣ духа», по цѣлый рядъ сложившій историческихъ причинъ ведетъ ихъ по различнымъ путямъ въ самомъ главномъ, въ «отношеніи человѣка къ дѣянію», опредѣляющемъ все его значеніе, всю «цѣнность на землѣ».

Борьбу двухъ душъ слѣдить далѣе Горькій и въ европейской исторіи и въ русской психикѣ: «каждый разъ, когда западная Европа, утомленная непрерывнымъ строительствомъ новыхъ формъ жизни, переживаетъ годы усталости—она черпаетъ реакціонныя идеи и настроенія отъ Востока. «Съ Востока свѣтъ». Это «азиатская мысль, запуганная, безсильная, унижающая человѣка», «въ печальныхъ условіяхъ его бытія поработила его и нынѣ отдаетъ въ плѣнь и власть европейскаго капитала». Эта «азиатская мысль», особенно проявилась на Западѣ въ его индивидуалистическомъ романтизмѣ начала XIX вѣка Шатобріана и Новалиса, Тика и Шлегелей.

Однако наиболѣе тяжело сказывается «умъ древняго Востока» въ русской жизни. И это потому, что здѣсь азиатской душѣ можетъ быть противопостав-

лена лишь душой славянина, которая «может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горитъ, быстро угасая, и мало способна къ самозащитѣ отъ ядовитыхъ ей, отравляющихъ ея силы». Рядомъ историческихъ примѣровъ подтверждаетъ Горькій свою мысль, указываетъ на развитіе «азиатскихъ началъ» и въ «восточной косности» нашей буржуазіи, и въ обломовщинѣ, крѣпостнической жестокости и тамлетизмѣ нашего дворянства. Наоборотъ «отъ Запада, отъ Вольтера» «либеральныя идеи дворянства, его культурность, любовь къ искусствамъ, заботы о просвѣщеніи народа». И совершенно послѣдовательно зоветъ послѣ этого Горькій «честныхъ и разумныхъ русскихъ людей», чтобы они боролись «съ азиатскими наслоеніями въ нашей психикѣ», лечились «отъ пессимизма», покончили съ «мистикой» и «романтическими фантазіями». Отнимъ отвергается и «богоискательство» и теорія «личнаго совершенствованія» и «анархическое своеволие личности» съ ея жестокостью и деспотизмомъ. Только наука, коллективизмъ и демократія способны воспитать «сильную и красивую личность».

Доселѣ—Горькій. Оприведенной статьѣ, конечно, можно спорить, какъ съ одной

стѣроны по поводу противоположенія мистицизма и разума, такъ съ другой стѣроны относительно общей характеристики указанныхъ идейныхъ теченій. И когда появилась въ «Современномъ Мірѣ» (№ 1, 1916 г.) отвѣтная статья Леонидъ Андреева, то она не могла не заинтересовать всякаго непредубѣжденнаго читателя. Однако въ статьѣ Андреева мы меньше всего встрѣчаемъ полемику по существу. Наоборотъ, она вся построена на непостижимомъ извращеніи сказаннаго Горькимъ. Послѣдній, проповѣдникъ активности и оптимизма, превратился у Андреева въ злостнаго пессимиста и клеветника на русскую дѣйствительность: Онъ, де, унизили «цѣлый народъ» русскій, не далъ ему какъ преступнику даже «надежды на возрожденіе», не признали за нимъ даже «искры Божіей». Самъ Горькій съ этой точки зрѣнія оказался «пассивнымъ», и «бездѣтельнымъ славяниномъ, мрачный пессимизмъ, слабovolіе и пассивность котораго столь настойчиво противопоставляются яркой активности» современной Европы. И такъ какъ въ самой статьѣ Горькаго Андреевъ все-же не нашелъ достаточно матеріала для упрёка въ «самооплеваніи», «сектантскомъ самосожженіи» и «верченіи волчкомъ»,

то къ этому были привлечены другія статьи и памфлеты въ указанномъ номерѣ «Совр. Мира», а на помощь Андрееву выступилъ самъ Е. Чириковъ, который прямо обвиняетъ Горькаго въ невѣжествѣ.

На первый взглядъ такой «полемиическій» оборотъ, переходящій въ ругню и поношеніе, совершенно непонятенъ. Тѣмъ болѣе, что Горькій вовсе не касался ни личностей, ни опредѣленныхъ организацій, а съ другой стороны со временъ западниковъ и славянофиловъ и до сихъ поръ идетъ великій споръ двухъ направленій, который скрывается за символическимъ противопоставленіемъ Запада и Востока. Давно-ли спорили о «Вѣхахъ» наши «богоскательцы» съ позитивистами, всенеческіе «мистики» съ рационалистами, націоналисты съ космополитами, народники съ марксистами. Во всѣхъ этихъ спорахъ непрестанно ставились и разбирались разнчныя стороны «западной» и «восточной» стихій русской жизни, причемъ никого мы не считали «невѣждами» за употребленіе этой, можетъ быть, не совсѣмъ пригодной политической символики, крѣпко однако укоренившейся въ нашемъ идеологическомъ словарѣ.

Почему-же горьковская статья вызвала на страницахъ столь западнческаго жур-

нала какъ «Современный Міръ» такой рѣзкій отвѣтъ: Что соединило будущаго дѣятеля протопоповской предпринимательско-капиталистической «Русской Воли» и представителей праваго крыла русскаго социализма? Откуда этотъ грубый тонъ и непозволительная, на первый взглядъ ничѣмъ необоснованная рѣзкость? Наконецъ чѣмъ объясняется то впечатлѣніе какой то почти личной обиды, которое такъ рѣзко чувствуется въ словахъ Л. Андреева?

Отвѣтомъ здѣсь можетъ быть одно: въ статьѣ Горькаго прочли нѣчто гораздо большее, чѣмъ она на первый взглядъ, въ себѣ заключаетъ. Въ ней почувствовалось цѣлое міросозерцаніе, враждебное Андрееву и его друзьямъ, осужденіе тѣхъ явленій русской дѣятельности, которыя какъ разъ имъ особенно дороги, наконецъ отрицаніе тѣхъ основъ, на которыхъ стоитъ самъ Андреевъ въ своей общественной дѣятельности.

Прежде чѣмъ однако мы приступимъ къ провѣркѣ нашего положенія, необходимо сдѣлать одну оговорку или вѣрнѣе исправить одну ошибку Горькаго, которую онъ дѣлаетъ просто потому, что еще не вполне знакомъ съ нѣкоторыми новыми пріобрѣтеніями науки. Эта оговорка

касается слова и понятія «мистика». Горькій употребляетъ этотъ терминъ въ старомъ смыслѣ слова, когда подъ мистикой разумѣли почти исключительно то, что можно было-бы назвать больной или извращенной мистикой. Между тѣмъ, какъ въ настоящее время, послѣ трудовъ такихъ психологовъ какъ Джемсъ, психiatровъ какъ Сидисъ, Моль и Вехтеревъ, философовъ какъ Бергсонъ и Лосекій, справедливо было бы говорить не только о мистикѣ какъ больномъ проявленіи душевной жизни, но и о мистикѣ здоровой, необходимой, безъ которой жить нельзя.

Собственно даже самый терминъ «мистика», въ настоящее время можно было-бы безъ особенныхъ затрудненій упразднить, такъ-какъ само мистическое познание или слѣдіе съ тѣмъ или инымъ сверхъестественнымъ существомъ представляется въ наши дни исключительно какъ субъективно-фантастическое переживание, которое покрывается несравненно болѣе широкимъ понятіемъ «безсознательнаго» или «подсознательнаго я», «общей сферы» нашей психики или «низшей» ея сферы по другой терминологіи. Съ этой точки зрѣнія мистика или подсознательныя переживанія исчерпываются цѣлкомъ въ области воли—само-

произвольными движеніями, рефлексами, инстинктивными актами, идео-двигательнымъ автоматизмомъ, въ области памяти — необычайнымъ богатствомъ подсознательнаго опыта въ безпорядочномъ нагроможденіи грезъ, бредовыхъ идей и самыхъ точныхъ представленій о дѣйствительности, въ области чувствованій способностью однако безпорядочно и случайно переживать экстазъ и ужасъ, блаженство и страданіе, страхъ и любовь исключительной силы, однимъ словомъ любую гамму доступныхъ данному индивиду эмоцій.

Мистика съ этой точки зрѣнія есть ничто иное какъ своеобразный живой запасъ переживаній, накопленный безъ непосредственнаго участія сознанія и хранящійся въ нашей «общей сферѣ», такъ сказать, до востребованія. Сознаніе наше относится къ этому запасу до известной степени также, какъ и вообще къ объекту всякаго познанія и весьма склонно объективировать и гипостазировать данныя подсознательной сферы. Міръ подсознательнаго опыта представляется поэтому какъ бы міромъ потустороннимъ, переживанія изъ этой сферы какъ переживанія кого-то «другого» въ насъ, данныя подсознательнаго опыта, какъ откры-